

Осьмухина Ольга Юрьевна, Белоглазова Екатерина Александровна

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ДАНТОВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ-ПРИТЧЕ Ю. Н. ВОЗНЕСЕНСКОЙ "МОИ ПОСМЕРТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ"

В статье исследуется рецепция традиции Данте в изображении загробного мира в творчестве Ю. Вознесенской. Установлено, что, равно как и автогерой в "Божественной комедии", совершающий путешествие по загробному миру и обретающий высшую мудрость, героиня повести Вознесенской приходит к Богу, очистив душу. В повести Вознесенской трехчастный загробный мир подобен Аду, Чистилищу и Раю Данте; у героини есть проводники, схожие с Вергилием и Беатриче. Несмотря на формальное сходство, оставаясь в рамках православной парадигмы, Вознесенская проводит героиню по "обратному" пути - от Рая к Аду; символом чистой любви становится не возлюбленный, как Беатриче у Данте, но сам Господь.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 22-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 801.73

В статье исследуется рецепция традиции Данте в изображении загробного мира в творчестве Ю. Вознесенской. Установлено, что, равно как и автогерой в «Божественной комедии», совершающий путешествие по загробному миру и обретающий высшую мудрость, героиня повести Вознесенской приходит к Богу, очистив душу. В повести Вознесенской трехчастный загробный мир подобен Аду, Чистилищу и Раю Данте; у героини есть проводники, схожие с Вергилием и Беатриче. Несмотря на формальное сходство, оставаясь в рамках православной парадигмы, Вознесенская проводит героиню по «обратному» пути – от Рая к Аду; символом чистой любви становится не возлюбленный, как Беатриче у Данте, но сам Господь.

Ключевые слова и фразы: Данте; Ю. Вознесенская; дантовская традиция; повесть; православная проза.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., доцент

Белоглазова Екатерина Александровна

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск

osmukhina@inbox.ru; dantedix@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ДАНТОВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ-ПРИТЧЕ Ю. Н. ВОЗНЕСЕНСКОЙ «МОИ ПОСМЕРТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

Общеизвестно, что рецепция дантовского наследия в России начинается в XVIII столетии: открывая для себя европейский мир, обретая новую систему ценностей, характерных для петровской эпохи, отечественный читатель не мог миновать «Божественной комедии», ознаменовавшей переход от Средневековья к Ренессансу. Однако рационалистический характер эстетики классицизма и Просвещения первоначально сдерживали интерес к творчеству Данте, которое, равно как и шекспировское наследие, поражало пророчески суровым и всеобъемлющим взглядом на мир, ненормативностью образов, мышления, языка. Лишь в конце XVIII в., по справедливому замечанию И. Н. Голенищева-Кутузова, отношение к великому флорентийцу начинает меняться: «Он преисполнен столько ж справедливыми, как и глубокими мыслями, сильными изображениями, прекрасными картинами, выражениями, означающими великие дарования, тонкими оборотами, остроумными выдумками, отменными и жаркими местами» [5, с. 455].

Романтизм, ставший ведущим направлением западноевропейского и русского искусства на рубеже XVIII-XIX вв., вел к сближению с Данте, равно как и к реабилитации шекспировского наследия. Интерес к творчеству Данте на протяжении XIX-XX вв. в России становится все более широким, что обусловлено, по всей видимости, рядом причин. Во-первых, интересом отечественных поэтов (К. Батюшков, Е. Баратынский, А. Пушкин и др.), композиторов (М. Глинка, П. Чайковский), живописцев (К. Брюллов, С. Щедрин) к Италии, мыслящейся воплощением гармонии природы и искусства, краем непосредственности, яркости национального характера и подлинной свободы, позволяющей во всей полноте осуществиться человеческим чувствам; во-вторых, многочисленными попытками перевода «Божественной комедии» (от П. Катенина и Д. Мина до Д. Минаева, В. Брюсова и М. Лозинского); в-третьих, нередко открытой приверженностью Данте русских поэтов от А. Пушкина и А. Блока до Н. Гумилева и А. Ахматовой. Справедливости ради отметим, что трагические повороты отечественной истории второй половины XX в. побуждают как поэтов, так и прозаиков обратиться к дантовскому наследию. Причем не только потому, что реальностью стали фантастические пытки Ада, но и в связи с тем, что человек XX столетия, равно как и автогерой Данте, способен сохранить «свет души» даже в «мрачных пропастях Земли» – и здесь достаточно вспомнить «В круге первом» А. Солженицына или «Колымские рассказы» В. Шаламова.

Разумеется, из достаточно обширного дантовского наследия, включающего «Новую жизнь», философские и политические трактаты, исследователей и последователей Данте привлекает прежде всего «Божественная комедия», восприятие которой в России на протяжении трех столетий очевидно менялось: уже в интерпретации символистов она стала восприниматься как «эзотерический символ инициации духа» и «образец вечного “ознаменательного” искусства» [2, с. 23]. Однако не просто уникальность композиционной и стилистической структуры, многомерность содержания, синтез этики и мистики, символики и аллегоричности служат основой для мощной рецепции дантовского произведения, но прежде всего мир «Божественной комедии» являет собой совершенно особый универсум, в котором выстраивается «парадигма духовного преображения», а в странствиях героя по загробному миру символически изображается процесс «самопознания человека» [Там же].

Отметим, что описания «хождений» по загробному миру были широко распространены в средневековой литературе и были призваны отвлечь человека от греховной мирской суеты и побудить его обратиться помыслами к жизни загробной – достаточно вспомнить древнерусский апокриф «Хождение Богородицы по мукам» или мусульманское предание о видении Магомета, созерцающего мучения грешников в аду и блаженство праведников в раю. Однако Данте, в отличие от предшественников, создает грандиозную картину Ада, Рая, Чистилища не ради отрицания земной жизни как таковой, но во имя ее исправления, дав собственную интерпретацию классификации человеческих пороков: «Вместе с древним поэтом Вергилием Данте через обширную воронку Ада следует вглубь Земли, а затем на другую ее сторону, где располагается никому не известный остров с возвышающейся над ним горой Чистилища. <...> сопровождаемый своей возлюбленной,

ангельской Беатриче, Данте движется через круги небесных сфер в Рай, где в мистическом зрелище ему, наконец, открывается божественная истина» [1]. Примечательно, что странствие по загробному миру, дабы познать добро и зло и обрести путь спасения, совершает не умерший человек.

Как известно, грешники у Данте распределены по девяти кругам Ада, в зависимости от степени их страстей, и несут заслуженное наказание за содеянное. В. Н. Назаров отмечает, что «архитектоника дантовского Ада определяется аристотелевской триадой “дурных нравов” или складов души: невоздержность – зверство – злоба (порок)» [8]. Помимо этого, Вергилий, рассказывая Данте о принципе распределения грешников по кругам Ада, сам упоминает об Аристотеле: «Ужели ты не помнишь изречения / Из Этики, что пагубней всего... / Несдержность, злоба, буйное скотство?» [6, с. 72].

Души, успевшие покаяться при жизни, находятся в Чистилище. Главный герой со своей возлюбленной Беатриче, которая стала его небесным проводником, воплощением «небесного разума», мудрости и непорочности, переносится в Рай, включающий неподвижный Эмпирей, где видит души праведников и триединое Божество.

Сходная картина путешествий по загробному миру представлена в повести-притче Ю. Вознесенской «Мои посмертные приключения», уже название которой отсылает к дантовскому тексту: несмотря на то, что приключения именуются «посмертными», равно как и автогерой у Данте, Анна оказывается в загробном мире, будучи живой: «Возвращение в полумертвое измученное тело было мучительным и тяжелым... Я пролежала в коме почти полгода!» [4, с. 92]. Кроме того, в произведении современного автора прослеживаются многочисленные аллюзии и реминисценции, которые восходят к «Божественной комедии» Данте Алигьери [3], но при этом христианские ценности переосмысливаются Ю. Вознесенской в православной парадигме. Прозаик использует художественные образы, метафоры, сравнения для передачи мыслей и чувств главной героини, которая видит, как расплачиваются люди за свои грехи и *что* ожидает праведников после смерти. Героиня, фактически повторяя христианскую идею о неизбежности загробного воздаяния и необходимости искупления грехов, воспринятую и развитую Данте в «Божественной комедии», замечает: «Со смертью прекращается нравственное развитие человека, исключается всякое дальнейшее изменение его, и начинается нравственное воздаяние за все, что мы совершили в своей жизни здесь, в этом мире» [4, с. 2]. И у Данте, и у Вознесенской наказание восстанавливает мировую гармонию, естественное равновесие, нарушенное грехом, о чем свидетельствует, во-первых, неотвратимость наказания, а во-вторых, адекватность греха и наказания, когда наказание уподобляется греху.

При этом Ю. Вознесенская замещает Чистилище мытарствами, Рай – Голгофой. Как подчеркивает И. Б. Ничипоров, повесть-притча современной писательницы «имеет рамочную композицию: основная часть повествования, спроецированная на изображение таинственных странствий души за гранью телесной сферы, обрамляется прорисовкой внутреннего мира, религиозного, социального опыта героини-рассказчицы Анны» [9].

Характерной особенностью повести Ю. Вознесенской становится «вовлеченность» героини в сам процесс искупления грехов. Главный герой «Божественной комедии» лишь наблюдает, *как* расплачиваются за свои грехи другие души, созерцает посмертную участь грешников в Аду (уже Харон видит в нем «добрую душу», предназначенную к спасению): «И вот я начал различать неясный / И дальний стон; вот я пришел туда, / Где плач в меня ударил многогласный. // <...> То адский ветер, отдыха не зная, // Мчит сонмы душ среди окрестной мглы / И мучит их, крутя и истязая» [6, с. 34]. А затем – в Чистилище и в Раю – видит искупление покаявшихся и блаженство праведников. У Данте, таким образом, само путешествие есть созерцание, через которое происходит очищение души героя, постепенное освобождение его от пороков и страстей и обретение им мудрости.

В повести же Ю. Вознесенской Анна сама проходит мытарства, давая ответ за все прегрешения. Кроме того, в отличие от путешествия главного героя Данте (Ад, Чистилище, Рай), путь Анны иной, что, вероятно, обусловлено различной трактовкой христианского учения: католицизма – у Данте, православия – у Ю. Вознесенской. Данте в «Божественной комедии» воспроизводит Птолемею систему мироздания, дополняя ее средневековыми воззрениями католицизма. В частности, если, рисуя Ад, Данте свободно перерабатывает средневековые поверья, то в изображении Чистилища и Раю он следует учению, сложившемуся в католицизме, с разницей лишь в незначительных частностях (уже в VI в. учение католической церкви гласило, что чистилище помещается рядом с адом в недрах Земли и представляется очистительным огнем, у Данте же Чистилище – это высочайшая, имеющая вид усеченного конуса, гора, недоступная живым), но с сохранением главной идеи – самый тяжкий грех можно искупить покаянием, а потому после искупления вины в чистилище души грешников перемещаются в рай.

Анна в повести Ю. Вознесенской, в отличие от автогероя «Божественной комедии», совершающего восхождение по «готической вертикали» от Ада к Раю, напротив, после пройденных мытарств первоначально шесть дней пребывает в райской обители, а затем тридцать дней проводит в Аду. Очевидно, что при построении сюжета Ю. Вознесенская берет за основу учение святого Макария Александрийского, получившее широкое распространение в русской православной церкви: «В третий же день Тот, Кто воскрес в третий день из мертвых Бог всех – повелевает в подражание Его Воскресению вознестись всякой душе христианской на небеса для поклонения Богу всяческих. <...> После поклонения Богу повелевается Им показать душе различные и приятные обители святых и красоту рая. Все это рассматривает душа шесть дней, удивляясь и прославляя Создателя всего этого Бога. <...> По рассмотрении же, в продолжение шести дней, всей радости праведных, она опять возносится Ангелами на поклонение Богу. <...> После вторичного поклонения Владыка всех повелевает теперь отвести душу в ад и показать ей находящиеся там места мучений, разные отделения ада и разнообразные мучения нечестивых... По этим различным местам мук душа носится тридцать дней...

В сороковой день она опять возносится на поклонение Богу, и тогда уже Судья определяет приличное ей по ее делам место заключения» [10]. «Нисхождение» Анны из Рая в Ад, равно как и «восхождение» Данте, имеет все тот же морально-религиозный смысл: путешествие по загробному миру становится символическим процессом пробуждения, очищения сознания, способом обретения героями мудрости.

Одна из идей дантовского Ада – это стойкость человека, несмотря на все страдания, унижения, пытки. Люди и после смерти, во тьме, остаются верны собственным убеждениям, не утрачивают собственную индивидуальность (достаточно вспомнить Брунетто Латино, Фарината дельи Уберти, Чиамполо, Капанея). Герой путешествует, встречая в потустороннем мире мифических существ (Цербер, Фурии, Гарпии и т.д.). Ю. Вознесенская же изображает загробный мир несколько по-другому. Анна не встречает «чудесных» персонажей, путешествие ее более реалистично, нежели фантастично. Грехи героини представляются в аллегорическом виде: «Бесы засыпали меня чистой писчей бумагой, листами копирки, лентами для пишущей машинки.

– Вот! Все это было ею похищено на работе. У родного государства крада, воровка, а ведь правозащитницей звалась» [4, с. 21].

После пребывания в Долине Учеников героиня отправляется в Ад, где скитается долгое время, пока, наконец, сама не вспоминает о Боге. После испытанных ужасов она раскаивается в содеянном, стремится исправиться: «Прожила я свою жизнь неумно и неправильно. <...> Я так изуродовала ее грехами... просила прощения у всех, кого мало или неправильно любила, кому не принесла добра, какое могла принести, вспоминала не исполненные на Земле обязательства» [Там же, с. 85]. Через собственные мучения и покаяние героиня приходит к отчетливому осознанию своей греховности, становится духовно зрелой и внутренне преобразуется.

Следует отметить введение образа героя-проводника в структуру сюжета. У Данте это Вергилий как символ земного разума в Аду и Чистилище (кстати, именно язычнику Вергилию отведена роль, которую в средневековых «видениях» традиционно исполнял ангел) и Беатриче в Небесном Раю, воплощающая небесный разум и непорочную любовь. Ю. Вознесенская в качестве проводника вводит образ Ангела-Хранителя, что характерно для христианского мировоззрения:

«– Вы – мой Ангел-Хранитель? Так почему же в моей жизни было так много несчастий, бед и ошибок? Простите, но я совсем не помню, чтобы кто-то остерегал меня от них.

– Я много раз пытался говорить с тобой, но ты меня не слышала» [Там же, с. 17].

В повести-притче Ю. Вознесенской символической становится история существования двух героев: Анны и Лопухого, слабой, опустошенной души с периодическими проявлениями настоящих чувств, и явление белых птиц, подающих хлеб, который делает черные души «светлее», что свидетельствует о Божественном явлении даже в «затуманенной» области человеческого бытия. Хлеб является символом молитв, творимых живыми за своих усопших близких. И началом духовного преобразования становятся сочувствие и жертвенность героини по отношению к ближнему: «Я решила Лопухого немного подкормить. Когда белая птица опять сбросила мне хлеб, я его отдала Лопухому, а сама стояла рядом и, пока он ел, отгоняла барачников» [Там же, с. 63].

Следует отметить, что кульминационным моментом анализируемых произведений является встреча героя с любовью человека. Так, Данте в Чистилище встречает Беатриче: «В венке олив, под белым покрывалом, / Предстала женщина, облачена / В зеленый плащ и в платье огне-алом» [7, с. 202]. Как справедливо отмечает А. А. Сосян, «идеал Данте – преображенная, приобщенная к сонму ангелов блаженная Беатриче. Она олицетворяет красоту трансцендентного мира. И все же полнота жизни и духовное совершенство человеческой личности воплощено не в этом художественном образе, а в путнике, преодолевшем грань между мирами ради спасения людей» [2, с. 8]. У Вознесенской же, хотя образы проводников – ангела и возлюбленного – не совпадают, но дантовская мысль повторяется практически буквально: сама героиня становится воплощением человека и человечества в целом, ищущего верный нравственный путь и в конечном итоге – обретающего его. «Я благодарилась за то, что, пройдя через смерть, через ад и Рай, я познала мир духов, узнала, что есть Сатана, и есть Бог. И я выбрала Бога...» [4, с. 86]. Равно как и автогероя «Божественной комедии» спасает любовь, Анна осознает, что любовь – неодолимая потребность человека, преображающая и возрождающая сила, Господь – сам есть любовь. Любовь очищает Анну от всего земного, греховного, она узнает в «напарнике» Лопухом своего мужа и окончательно примиряется с ним.

После длительных странствий главный герой «Божественной комедии» обретает наивысшую благодать – общение с Создателем: глядя в глаза Беатриче, он чудесным образом возносится к Эмпирею, лучезарной обители Бога, ангелов и блаженных душ, и здесь, в сердцевине мистической Розы, его путь окончательно завершается, он обретает гармонию и покой. Также и Анна, благодаря своим «посмертным приключениям», начинает расти духовно и через страдания, покаяние и любовь обретает Бога в душе. Более того, по возвращении на Землю героиня живет мирной и благочестивой жизнью, взяв на воспитание ребенка-сироту.

Исследуя специфику преломления дантовской традиции в произведении Ю. Вознесенской, следует подчеркнуть ряд особенностей: трехчастный мир повести-притчи изображается, подобно дантовскому; живые герои оказываются путешествующими по миру загробному; во время странствований для них важно присутствие проводников; в финале они находят искомое и обретают утешение. Однако, в отличие от автогероя «Божественной комедии», совершающего символическое восхождение от Ада к Раю по принципу «готической вертикали», символизирующее очищение души, Анна у Ю. Вознесенской, напротив, из райских садов спускается в Ад, в соответствии с православными представлениями об очищении души после смерти. Кроме того, символом чистой любви в повести-притче современного автора становится не образ возлюбленного, но сам Господь.

Список источников

1. **Александров Л. Г.** Композиционная структура художественно-философского текста в Позднем Средневековье: «Божественная комедия» Данте [Электронный ресурс] // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2008. № 3-4. С. 86-92. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18754207&> (дата обращения: 25.06.2017).
2. **Асоян А. А.** Данте и русская литература: автореф. ... д. филол. н. М., 1992. 25 с.
3. **Беднова Е. В.** Дантовская традиция и христианский контекст романного творчества Ю. Н. Вознесенской [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22878623> (дата обращения: 20.07.2017).
4. **Вознесенская Ю. Н.** Мои посмертные приключения. М.: Эксмо; Яуза; Лепта-Пресс, 2006. 94 с.
5. **Голенищев-Кутузов И. Н.** Данте в России // Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 454-486.
6. **Данте Алигьери.** Божественная комедия: Ад / пер. с ит. М. Л. Лозинского // Данте Алигьери. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: ТЕРРА – Азбука, 1995. Т. 1. С. 34-72.
7. **Данте Алигьери.** Божественная комедия: Чистилище / пер. с ит. М. Л. Лозинского // Данте Алигьери. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: ТЕРРА – Азбука, 1995. Т. 2.
8. **Назаров В. Н.** Аллегорический смысл ада в «Божественной комедии» Данте [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23604044> (дата обращения: 20.07.2017).
9. **Ничипоров И. Б.** «Мои посмертные приключения» Юлии Вознесенской как современная повесть-притча [Электронный ресурс]. URL: <http://refy.ru/52/201642-moi-posmertnye-priklucheniya-yulii-voznnesenskoj-kak-sovremennaya-rovest-pritcha.html> (дата обращения: 22.08.2017).
10. **Прп. Макарий Александрийский.** Извлечение из слова об исходе душ праведников и грешников [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Aleksandrijskij/slovo-ob-iskhode-dush-pravednikov-i-greshnikov (дата обращения: 23.08.2017).

**THE SPECIFICITY OF DANTE'S TRADITION REFRACTION
IN J. N. VOZNESENSKAYA'S SHORT NOVEL-PARABLE "MY POSTHUMOUS ADVENTURES"**

Os'mukhina Ol'ga Yur'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Beloglazova Ekaterina Aleksandrovna
Ogarev Mordovia State University, Saransk
osmukhina@inbox.ru; dantedix@mail.ru

The article deals with the reception of Dante's tradition in portraying the afterlife world in the works of J. Voznesenskaya. It is ascertained that like the autohero in "The Divine Comedy", who makes the journey in the afterlife world and finds the highest wisdom, the heroine of Voznesenskaya's short novel comes to God having cleansed her soul. In Voznesenskaya's short novel the three-part afterlife world is like Dante's Hell, Purgatory and Paradise; the heroine has guides similar to Virgil and Beatrice. Despite formal similarities, while remaining within the Orthodox paradigm, Voznesenskaya makes her heroine travel the opposite way – from Heaven to Hell; and the symbol of pure love is not a beloved person like Dante's Beatrice, but God himself.

Key words and phrases: Dante; J. Voznesenskaya; Dante's tradition; short novel; Orthodox prose.

УДК 821.111

Статья посвящена важному аспекту поэзии Дэвида Герберта Лоуренса – теме природы, в частности, значимому ее элементу – интерпретации образа дерева. Материалом послужили два стихотворения Лоуренса: «Радость одиночества» ("Delight of Being Alone") и «Коро» ("Corot"), – в которых в достаточной степени представлены основные тенденции интерпретации образа дерева, а также освещения темы природы в творчестве поэта вообще. Обозначаются два основных мотива природной лирики Лоуренса.

Ключевые слова и фразы: поэзия; Дэвид Герберт Лоуренс; имажизм; природа; образ дерева; Иггдрасиль.

Петросян Мария Сергеевна

Московский педагогический государственный университет
maria.petrosyan@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДЕРЕВА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Д. Г. ЛОУРЕНСА
«РАДОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА» ("DELIGHT OF BEING ALONE") И «КОРО» ("COROT")**

Природный мир нередко становится объектом поэтического творчества. Для английской литературы природные образы являются неотъемлемой особенностью поэзии. Дэвид Герберт Лоуренс, являясь наследником многих поэтических английских традиций, а также в немалой степени относясь к поэтическому течению имажистов, часто обращался к теме природы, использовал разные природные образы для отражения своих философских взглядов. Каждый природный объект в интерпретации Лоуренса несет в себе определенный философский посыл. Так, интересным для анализа является образ дерева, достаточно широко представленный и в поэтическом, и в прозаическом творчестве автора.